

Мир Элиана пошатнулся. Он вскочил на ноги, широко распахнув глаза от шока. "ЧТО?!"

Вопрос повис в воздухе, несмотря на риторический вопрос. Элиан надеялся, против всякой надежды, что Джулия скажет "Шучу", но ее серьезное, нейтральное выражение лица развеяло любые такие ожидания. Он ни секунды не сомневался в ее словах. Он хорошо знал свою мать.

Но затем Элиан подумал о предыдущем разговоре.

Может быть, не так уж и много, но достаточно, чтобы понять, что она не из тех, кто шутит или пустословит. Джулия всегда была прямой, презирала ложь и обман, поэтому он был более чем уверен, что она говорит правду.

Осознав это, Элиана охватил шквал эмоций. Гнев вспыхнул на мгновение, но быстро уступил место самоосуждению, разочарованию и сожалению.

Элиан не доверял никому за пределами своей семьи и Лайса, поэтому он никогда ничего не ожидал от кого-либо еще, даже от своих родственников. Поэтому предательство не задело его как личную рану, а скорее из-за его далеко идущих последствий.

Прежде всего, оно угрожало ослабить семью именно тогда, когда они были наиболее уязвимы. Перед лицом надвигающейся угрозы подземелья они стали мишенью знати и, возможно, других влиятельных существ.

Но что действительно заставило кровь Элиана застыть, так это цепная реакция, которую могло спровоцировать это предательство. Для их врагов самой трудной частью всегда был первый перебежчик; после этого лояльность становилась эффектом домино, легко опрокидывая одного за другим. Скоро их семья может быть наводнена предателями, а их ряды могут быть внедрены как стены, зараженные термитами.

Хуже того, чума недоверия будет распространяться внутри их собственных стен. В каждом взгляде, в каждом слове будет чувствоваться подозрение. Это будет не просто предательство; это будет разлом их семьи на враждующие фракции, гноящаяся рана, истощающая их и без того убывающую силу.

Лучик сомнения в себе пронзил гнев Элиана. Возможно, вина была не только на нем, но и он не был невинен. Их дезертирство, вероятно, организованное в течение нескольких дней после смерти Маркуса, говорило о многом. Они взвесили его, эту неизвестную величину, молодого затворника, колдовавшего в своей лаборатории. Какое сдерживающее средство мог представлять такой мальчишка?

Разочарование скрутилось в его животе. Что, если бы он раскрыл свои карты? Продемонстрировал скрытые глубины своего таланта, плоды своего уединения? Не было бы доверие более крепким перед лицом его доказанной силы? Он не знал, но грызущее сожаление о своей наивности было неоспоримо. Он был поглощен своими экспериментами, не обращая внимания на семейное положение.

Как бы он ни отрезал кромку, его отстраненность от семейных дел сыграла свою роль в этом шатком танце. Его семья, стоящая на краю пропасти, несла на себе всю тяжесть его пренебрежения.

Элиан не мог вынести бездействия, знания, что его пассивность поставила под угрозу его семью. Но какой у него был выход? Он должен был действовать, но тяжесть подземелья уже грозила раздавить его. Теперь его раздробленная семья добавила еще один валун к сизифову

труду. Его ранняя надежда на то, чтобы делегировать этот кризис подчиненным, испарилась.

Ум Элиана закрутился, отчаяние нашептывало ему опасные идеи, каждая из которых была более безрассудной, чем предыдущая. Прежде чем он успел погрузиться в этот мрачный путь, голос прорезал бушующую внутри него бурю.

"Элиан, - рука Джулии легла ему на плечо, ее тон был наполнен одновременно беспокойством и авторитетом. - Я надеюсь, ты понимаешь, что твой отец не хотел бы, чтобы ты брал на себя это бремя".

"Да, но какой еще есть выбор?" - В голосе Элиана появились трещины, вызов превратился в отчаяние. - "Неужели я просто смотрю, как семья рассыпается, как пыль?"

Джулия встретила его взгляд, свой собственный непоколебимый. "Твой отец, - сказала она со спокойной, но твердой решимостью, - скорее увидит, как семья развалится, чем будет смотреть, как ты сломаешься под весом всего этого".

"Так я сдаюсь?" - выплюнул Элиан, гнев и отчаяние исказили его черты. - "Все, что он построил, просто исчезло? И я должен продолжать, как будто ничего не случилось?"

"Но скажи мне, каков твой план? Хм? Что ты можешь противопоставить? Ты слишком слаб, чтобы хоть что-то изменить. Ты разве не понимаешь, что даже один новый данж способен сдвинуть баланс сил во всем королевстве? На него положили глаз все, от баронетов до самого короля. И это поставит семью Торн прямо в прицел. Ты и в самом деле считаешь, что сможешь выстоять против всего королевства, да еще и против своих же предателей? Я их не виню, они сделали логичный выбор", — выпалила Джулия, ее слова ранили.

Она не сдавалась. "Даже если ты и устранишь всех предателей и дворян в королевстве, следующее поколение все равно будет жаждать завладеть данжем, и появятся новые предатели. Человеческую жадность не унять. Сбрось свои детские фантазии и взгляни правде в глаза. Сдавайся".

"Один против всего королевства?" — пробормотал Элиан, его голос был тихим, но в нем отчетливо звучало раздумье. Это заявление навело его на мысль, и он не мог отделаться от нее.

После короткой паузы он решительно кивнул, как будто принял важное решение. "Мама, ты права. Я и впрямь не осознавал всей серьезности ситуации".

Лицо Джулии дрогнуло, когда Элиан продолжил говорить, его тон был непоколебим. "Но я должен извиниться. Я буду защищать интересы своей семьи всеми силами, невзирая на то, кто будет на моем пути — дворянство, королевство или даже сам космос". Улыбка Элиана стала еще шире, в ней была твердая решимость.

Лицо Джулии омрачилось. "Даже если ценою этому станет твоя жизнь, я не вмешаюсь. Ты это понимаешь, не так ли?"

"Конечно, иначе какой во всем этом был бы вызов?" — с усмешкой ответил Элиан.

Лицо Джулии, на котором на протяжении всего разговора сохранялось нейтральное выражение, почти расплылось в улыбке, прежде чем она добавила: "У тебя есть три месяца. Надеюсь, что ты останешься жив. Но если я не увижу никакого прогресса, я вмешаюсь и положу конец этому безумию".

